

Старейшина Сяо Сюань на мгновение опешил.

[Потрясение старейшины Сяо Сюаня безгранично, +256 Очков Удачи]

[+423 Очка Удачи]

Он и представить не мог.

Цзян Лэ посмел говорить такое на глазах у всех, неужели он вовсе не дорожит своей жизнью?

Сказанное слово — что выпущенная стрела: обратно не воротишь.

Если через семь дней он не предаст себя смерти на глазах у всех, то в Секте Тайцинсюань ему больше не остаться.

Впрочем, Цзян Лэ и не собирался здесь задерживаться.

Оставалось всего пять дней.

Забрав все ресурсы, он просто инсценирует смерть и смывается. В Северном государстве ещё много мест, где его ждут возможности, которые нужно успеть собрать.

Вскоре Секту Тайцинсюань постигнет великое бедствие. Его Учитель, Линь Муцин, как главная героиня, кроме того, что все её близкие окажутся в плачевном положении, сама, конечно, в опасности не будет.

После великого бедствия cultivation Линь Муцин не только стремительно возрастет, но и она сама получит благосклонность высших миров.

А Тан Су к тому времени уже покинет Секту Тайцинсюань.

Повысив cultivation, он вернется с непреодолимой силой и успешно поможет Секте Тайцинсюань отразить великое бедствие.

Очки расположения Линь Муцин будут расти и расти.

Цзян Лэ считал, что держит Тан Су под жестким контролем, и у того не будет шанса пробудить Святое тело чародейки-суккуба.

А ещё через семь дней он давно уже придумает, как инсценировать смерть.

Какое там самоубийство!

— Бедный мой маленький Цзян Лэ... — в глазах Наставника Цзиньчэня стояла горечь.

На самом деле он уже давно был недоволен Сяо Сюанем.

Особенно его учеником.

Кэ Юем!

Тот творил в секте беззакония, отлично знал сектантские законы и вызывал у всех учеников

глубокую ненависть.

Даже если бы Наставник Цзиньчэнь захотел наказать его,

ему было бы неловко заговорить об этом.

Старейшина Сяо Сюань всегда находил предлог, что это притеснение младшего старшим, и затыкал Наставника Цзиньчэня, не давая тому и слова сказать.

Прямо напасть и убить — это помогло бы Наставнику Цзиньчэню избавиться от большой проблемы.

Цзян Лэ хорошо знал характер Наставника: честный, добродушный, он совершенно не был ровней такому коварному человеку, как Сяо Сюань.

Иначе в прошлой жизни,

сколько бы ни была высока его cultivation и сила,

его бы не удалось погубить объединёнными усилиями Цзян Лэ и Сяо Сюаня. Он мог быть опорой, но не вечной опорой.

Цзян Лэ всё равно нужно было искать новый путь.

Линь Муцин, услышав слова Цзян Лэ, тоже почувствовала, как сердце её дрогнуло.

В груди будто что-то сжалось.

Стало невыносимо тяжело.

Этот её ученик — тоже коварный и хитрый тип, как же он мог на самом деле пойти на самопожертвование и искупать вину.

Линь Муцин утешала себя этой мыслью.

К тому же Наставник Цзиньчэнь так любит Цзян Лэ и уж точно не позволит, чтобы такое случилось.

Взгляды всех

устремилась на Наставника Цзиньчэня. Последнее слово было за ним, остальные силы тоже смотрели на это как на развлечение.

Наставник Цзиньчэнь помолчал мгновение и медленно заговорил.

— Законы секты превыше всего.

— Никому не позволено злоупотреблять служебным положением. Раз Цзян Лэ признал вину, пусть будет по его словам.

— Однако, учитывая его искреннее признание, под стражу не заключать.

Линь Муцин услышала это,

застыла на секунду, и на душе у неё стало тяжело.

Как мог Наставник Цзиньчэнь действительно согласиться? Ведь эти люди заслуживали смерти.

Почему же наказание должен понести Цзян Лэ?

Теперь никто не осмелился больше ничего говорить. Было уже неважно, под стражей он или нет.

Раз Наставник Цзиньчэнь высказался,

Цзян Лэ через семь дней непременно понесёт наказание, и смерть его неизбежна.

Старейшина Сяо Сюань тоже чувствовал на душе тяжесть. Он приготовил столько козырей,

а Цзян Лэ просто взял и признал вину,

сведя на нет все его усилия. На Наставника Цзиньчэня это не произвело никакого впечатления.

Противник признал вину так быстро, что сам Сяо Сюань выглядел как подлец.

Многие ученики смотрели на него с неприязнью.

Цзян Лэ продолжал говорить:

— Уважаемый старейшина Сяо Сюань, с моим делом покончено. Не пора ли заняться вашим? Какое наказание полагается за предательство секты?

Сердце старейшины Сяо Сюаня бешено забилося.

Один из мужчин в чёрном из Секты Владыки Преисподней приоткрыл глаза, взглянул на Цзян Лэ и снова быстро закрыл.

В это время

старейшина Сяо Сюань уже начал вступать в сговор с внешней сектой, но только-только начал контакты, надеясь получить помощь, чтобы взойти на великий пост в Секте Тайцинсюань.

Но откуда же мог знать об этом Цзян Лэ?

Простой ученик Внешних Врат.

Он меня блефует!

— Мысли старейшины Сяо Сюаня метались. Он уже принял решение: — Предательство Учителя — тяжкое преступление в секте, карается смертью на месте. Что ты хочешь этим сказать? Всего лишь преступник!

Цзян Лэ слегка улыбнулся и сказал:

— Но как же я прошлой ночью видел вашего уважаемого сына в Задних горах, общающимся с тайным агентом Секты Владыки Преисподней? Даже если они друзья, не обязательно же встречаться тайком глубокой ночью, верно?

Эти скрытые сведения.

В прошлый раз, сотрудничая с Сяо Сюанем, Цзян Лэ знал всё досконально.

Сяо Юнь, то есть сын старейшины Сяо Сюаня,

тут же изменился в лице и в гневе заорал:

— Ты, смертник, не смей поливать меня грязью! Как я мог вступить в сговор с людьми из Секты Владыки Преисподней!

Лицо старейшины Сяо Сюаня слегка изменилось, он холодно произнёс:

— Есть у тебя доказательства, что мой сын в сговоре?

Ученики Секты Тайцинсюань выглядели совершенно сбитыми с толку.

Что вообще происходит?

Тут Цзян Лэ рассмеялся, и в его руке появилось кроваво-красное тайное письмо.

— Это письмо было изъято прошлой ночью из вашей комнаты. Нужно, чтобы я вскрыл его и зачитал, старейшина Сяо Сюань? С воспитанием сына у вас, видимо, проблемы!

Сяо Юнь побледнел.

Он поспешно ощупал свои одежды. Цзян Лэ пристально следил за ним и вдруг, одним ударом ладони поразив его в грудь, выхватил из рук Сяо Юня ещё одно красное письмо.

Старейшина Сяо Сюань среагировал мгновенно.

Едва Цзян Лэ закончил, как сам он рванул вперёд, обрушив на Цзян Лэ ужасающую силу.

Этот юнец и впрямь коварен.

Всё это время он просто блефовал, выуживая информацию у Сяо Юня!

Сяо Юнь наконец всё понял: прошлой ночью он вообще не возвращался в комнату, и письмо всё это время было у него, а теперь его забрал Цзян Лэ.

Слишком коварно.

— Убить Цзян Лэ! — Тогда все проблемы решатся сами собой.

Линь Муцин тоже была наготове. С лязгом

она обрушила на старейшину Сяо Сюаня убийственный удар меча, отводя его страшную силу в сторону.

Как только Цзян Лэ передал письмо Наставнику Цзиньчэню,

выражение лица Наставника Цзиньчэня изменилось. У него под носом кто-то посмел вступить в сговор с внешней сектой.

В тот момент, когда старейшину Сяо Сюаня задержала Линь Муцин,

Цзян Лэ, не медля, сложил печать Талисмана Небесного Меча. Страшная энергия меча превратилась в поток света и поразила тело Сяо Юня. Буйная сила взорвалась,

разнеся плоть в клочья. В одно мгновение он погиб, его путь прервался.

Не пощадил Цзян Лэ и того ученика, который первым указал на него.

Того разрубило ужасной энергией меча на четыре или пять кусков.

Убежать он не успел.

Цзян Лэ всегда платил за обиду, никогда не таил ненависть в сердце.

Лучше причинить боль другим, чем мучить себя.

Голова старейшины Сяо Сюаня взорвалась от боли.

Буквально за две секунды его родной сын превратился в холодные куски плоти на земле.

Все сглотнули слюну.

Эта беловолосая девушка с красными глазами была красива, но откуда в ней столько жестокости?

Цзян Лэ холодно произнёс:

— Предателей секты — казнить на месте, без пощады!

— Мне так тяжело, что я едва себя контролирую, нечаянно порубил нескольких человек. Согласно законам секты, через семь дней меня должны обезглавить на глазах у всех.

— Я, Цзян Лэ, признаю свою вину...

— У кого-нибудь есть возражения?

Остальные ученики Секты Тайцинсюань смотрели на это со странным выражением лиц.

— О, боги.

— Да кто же посмеет требовать, чтобы вы признали вину?

<http://bllate.org/book/18893/1846402>